

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.063-076

С. Б. Россинский*

Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве

Аннотация. Настоящей статьей автор продолжает цикл своих научных публикаций, посвященных проблемам теории, законодательного регулирования и практики познания и доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В статье рассматриваются и анализируются два наиболее распространенных научных подхода к сущности уголовно-процессуального доказывания: а) узкий, то есть отождествляющий доказывание со специфическим видом познавательной деятельности человека; б) широкий, то есть предполагающий включение в содержание доказывания и познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов, и различных аргументационно-логических операций, осуществляемых дознавателем, следователем, а также обвиняемым, защитником, потерпевшим и иными участниками уголовного судопроизводства.

Методологически отталкиваясь от результатов многолетних исследований, проводимых на стыке философии с психологией, психофизиологией и нейропсихологией, автор приходит к выводу о целесообразности использования широкого подхода к сущности уголовно-процессуального доказывания, максимально отражающего преемственность этой правоприменительной деятельности по отношению к общим законам гносеологии и формальной логики. По мнению автора, использование подобного подхода позволяет в максимальной степени гармонизировать уголовно-процессуальную теорию с реальными жизненными потребностями следственной и судебной практики.

Одновременно в статье делается вывод, что многие из научных споров и разногласий о сущности и содержании уголовно-процессуального доказывания в определенной степени имеют искусственный характер и обусловлены не более чем отсутствием единообразия в употребляемой терминологии. Однако автор полагает, что в современных условиях достижение какого-либо консенсуса в этой части развития уголовно-процессуальной науки практически невозможно, поэтому данное обстоятельство должно восприниматься как объективно существующая теоретическая данность.

Ключевые слова: доказательства; исследование доказательств; непроцессуальное познание; обоснованность приговора; обоснованность процессуального решения; оценка доказательств; собирание доказательств; теория доказывания; уголовно-процессуальное доказывание; уголовно-процессуальное познание.

Для цитирования: Россинский С. Б. Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 9. — С. 63—76. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.063-076.

Reflections on the Essence of Proof in Criminal Proceedings

Sergey B. Rossinskiy, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. In this paper, the author continues the cycle of his scientific publications devoted to the problems of theory, legislative regulation and practice of cognition and proving of circumstances that are relevant to a criminal case.

© Россинский С. Б., 2020

* Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
s.rossinskiy@gmail.com

The paper investigates and analyzes two of the most common scientific approaches to the essence of criminal procedural evidence: a) a narrow approach, i.e. identifying proving with a specific type of cognitive activity of a person; b) a broad approach, i.e. involving inclusion in the content of proving cognitive (cognitive-verifying) techniques and various argumentative and logical operations carried out by the interrogator, investigator, as well as the accused, the defence counsel, the victim and other participants in criminal proceedings.

Methodologically relying on the results of many years of research conducted at the intersection of philosophy and psychology, psychophysiology and neuropsychology, the author comes to a conclusion about the feasibility of using a broad approach to the essence of criminal procedural evidence that reflect the continuity of this enforcement activity in relation to the general laws of gnoseology and formal logic. According to the author, the use of this approach allows to maximize harmonization of criminal procedural theory with the real life needs of investigative and judicial practices.

At the same time, the paper concludes that many scientific disputes and disagreements about the essence and content of criminal procedural evidence are to some extent factitious and derived from a lack of uniformity in the terminology used. However, the author believes that in modern conditions it is almost impossible to reach any consensus in this part of the development of criminal procedural science. Thus, this circumstance should be perceived as an objectively existing theoretical reality.

Keywords: evidence; research of evidence; non-procedural cognition; validity of a sentence; validity of a procedural decision; evaluation of evidence; collection of evidence; theory of proof; criminal procedural proof; criminal procedural cognition.

Cite as: Rossinskiy SB. Razmyshleniya o sushchnosti dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve [Reflections on the Essence of Proof in Criminal Proceedings]. *Lex russica*. 2020;73(9):63—76. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.063-076. (In Russ., abstract in Eng.)

Вопросы теории и практики доказывания различных обстоятельств уголовного дела, проблемы доказательственного права традиционно вызывали и продолжают вызывать особый интерес у специалистов, являясь предметом наиболее бурных споров и дискуссий. И в этом нет ничего удивительного, поскольку доказывание заметно отличается от иных правовых механизмов и процедур, составляющих содержание уголовного судопроизводства и входящих в предмет уголовно-процессуального регулирования.

С одной стороны, доказывание имеет наиболее широкую сферу применения, предопределяет как само существование, так и порядок реализации подавляющего большинства уголовно-процессуальных правоотношений. В литературе уже неоднократно отмечалось, что нормы доказательственного права самым тесным образом связаны со всем уголовным судопроизводством, переплетены с его задачами, принципами, полномочиями следственных и судебных органов, взаимодействуют с системой процессуальных гарантий, правами вовлеченных в уголовное дело лиц и т.д.¹ Иными сло-

вами, именно потребность в доказывании детерминирует многоэтапный и многоаспектный порядок предварительного расследования и судебного разбирательства, характеризующийся достаточно длительными сроками, сложными юридическими процедурами и большим количеством участвующих субъектов. В противном случае производство по любому уголовному делу сводилось бы лишь к его разрешению по существу, то есть к постановлению приговора или изданию иного правоприменительного акта. Поэтому многие известные ученые-процессуалисты называли доказывание «сердцевиной», «стержнем», «душой» уголовного судопроизводства, отмечая, что оно пронизывает деятельность всех его участников и осуществляется на всем его протяжении².

С другой стороны, природа уголовно-процессуального доказывания не сугубо правовая, а комплексная, синтетическая, основанная на философских закономерностях гносеологии и формальной логики, определяющих сущность познания различных сведений и обоснования соответствующих решений. Указанные законо-

¹ Например: Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов : Саратовский госуниверситет, 1960. С. 4 ; Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М. : Юрид. лит., 1973. С. 5.

² Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М. : Госюриздат, 1961. С. 41 ; Шейфер С. А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М. : Норма, 2015. С. 12 и т.д.

мерности имеют естественное происхождение и поэтому никоим образом не могут зависеть от искусственно созданных юридических законов и правил.

Тем более что, несмотря на пристальное внимание философов, психологов, психофизиологов, нейропсихологов и других специалистов, сами по себе процессы познания человеком обстоятельств объективной реальности и логического мышления в настоящее время остаются до конца не изученными, непонятыми, вызывающими целый ряд неразрешенных вопросов. В частности, ученым доподлинно неизвестна природа декодирования нервных импульсов, поступающих от органов чувств в кору головного мозга и обуславливающих формирование соответствующих мысленных образов, то есть преобразования допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия. В специальной литературе отмечается, что на все эти вопросы пока можно ответить лишь предположительно³.

Кроме того, существующие в философии взгляды на природу познания и логического мышления вообще не отличаются единообразием. Они предполагают множество самых разных, в том числе и противоречащих друг другу, точек зрения, обусловленных разнообразными мировоззренческими подходами, формировавшимися в различные исторические периоды развития человеческого общества.

В этой связи нет ничего странного в том, что объективно существующие и до конца не изученные закономерности гносеологии и формальной логики далеко не всегда можно четко гармонизировать с процессуальной формой, являющейся результатом социальных и политических компромиссов и конструируемой в условиях сложной правотворческой процедуры. К тому же процессуальная форма по своей сути предназначена не столько для юридической легализации указанных закономерностей как таковой, сколько для разумного сдерживания изобретенных людьми средств и методов по-

знания, направления доказывания в «нужное» русло посредством создания надлежащих правовых гарантий доброкачественности получаемых результатов, отвечающих социальным ценностям определенного общества и государства в определенный период развития.

Таким образом, теория доказывания, основанные на ней положения закона и соответствующая правоприменительная практика уже изначально наполнены целым спектром внутренних противоречий. А в условиях современной российской реальности, предполагающих нестабильность уголовно-процессуальной формы, частые, в том числе достаточно серьезные, «метания» законодателя из стороны в сторону, поиск какого-то нового, собственного, национального пути развития уголовного судопроизводства, указанные противоречия приобретают еще более острый характер. По мнению А. А. Давлетова, существующие здесь проблемы исчисляются несколькими десятками, причем их количество продолжает возрастать — настолько, насколько расширяется и углубляется их научное исследование⁴.

На сегодняшний день практически ни один вопрос, связанный с доказыванием по уголовному делу, не получил своего окончательного разрешения. Причем ученые так и не пришли к единому пониманию самой сущности этого сложного процесса и связанных с ним методологических категорий; дискуссии по данному поводу продолжают уже не один десяток лет.

Многие правоведы считали и продолжают считать доказывание специфической (процессуальной) разновидностью познания человеком обстоятельств объективной реальности. В ряде как советских, так и современных публикаций под доказыванием понимается познавательная деятельность органов предварительного расследования, прокурора, суда, характеризующаяся опосредованным восприятием обстоятельств уголовного дела⁵, направленностью на строго определенный круг обстоятельств⁶,

³ Восприятие и действие / под ред. А. В. Запорожца. М. : Просвещение, 1967. С. 40 ; Маклаков А. Г. Общая психология. СПб. : Питер, 2001. С. 431, 434.

⁴ Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. 2-е изд. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997. С. 13—14.

⁵ Например: Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе : учеб. пособие. М. : ВЮЗИ, 1966. С. 21—22 ; Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. — Томск: Томский госуниверситет, 2015. С. 3.

⁶ Например: Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М. : Госюриздат, 1960. С. 8—10 ; Астафьев Ю. В., Изотова Н. В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. Курск : ФГУИПП, 2002. С. 86.

установленной законом процессуальной формой⁷ и т.д.

В отдельных работах указанный подход к сущности доказывания дополняется вполне разумным тезисом, предполагающим необходимость обязательного удостоверения (фиксации) результатов процессуального познания в установленном законом порядке⁸. Отмечается, что удостоверение является внешним выражением, формой процессуального познания, без которой полученные сведения остаются как бы «вещью в себе» и которая обеспечивает возможность передачи воспринятой следователем или судом информации другим участникам уголовного процесса в целях превращения «в знание для всех»⁹.

Другие специалисты придают уголовно-процессуальному доказыванию более широкий, как бы универсальный характер, предполагающий включение в его содержание как познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов, так и различных аргументационно-логических операций. Подобными позициями характеризуются публикации М. С. Строговича, В. Д. Арсеньева, С. А. Шейфера, Ю. К. Орлова, А. А. Давлетова и многих иных авторов.

Вполне очевидно, что обе доктринальные позиции имеют право на существование. Более того, в каждой из них, как и в любом другом научном подходе, можно найти и определенные достоинства, и недостатки. В этой связи более рациональной и справедливой следует считать ту позицию, которая в максимальной степени отражает преимущество уголовно-процессуального доказывания по отношению к общим законам гносеологии и формальной логики, имеющим (как уже отмечалось ранее) естественное происхождение и не зависящим ни от каких юридических норм и правил. Такие законы, писал А. И. Трусов, едины для всякой деятельности. Они работают как при установлении

больших процессов и явлений (например, закономерностей природы, общества, человеческого мышления и т.д.), так и при восстановлении картины единичных юридических фактов (например, события преступления и виновности определенного лица и т.д.). Без использования этих законов не может протекать никакой процесс познания, не может быть установлена истина¹⁰. Л. Д. Кокорев и Н. П. Кузнецов, рассматривая уголовно-процессуальное доказывание в контексте его гносеологической и логической сущности, отмечали, что оно представляет собой разновидность установления и понимания человеком обстоятельств окружающей его реальности, имеющих место во всех областях теории и практики¹¹.

В этой связи точка зрения, отождествляющая уголовно-процессуальное доказывание исключительно с познавательной деятельностью органов предварительного расследования и суда, то есть с неким накоплением полезных сведений, имеющих значение для уголовного дела, является неприемлемой и не может претендовать на роль методологической основы доказательственного права и соответствующей правоприменительной практики. Непригодность и ошибочность подобного подхода обусловлена субъективной природой познания и невозможностью правильного расчета «коэффициента искажения» человеческим разумом воспринимаемой информации. Тем более что уголовно-процессуальное познание вообще носит преимущественно опосредованный характер, детерминированный в первую очередь ретроспективностью (нахождением в прошлом) подавляющего большинства обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Ввиду понятных причин указанные обстоятельства (событие преступления, виновность лица и т.д.) опережают по времени деятельность органов дознания, предварительного следствия и осо-

⁷ Например: *Божьев В. П.* Основные вопросы советского уголовного процесса : учеб. пособие. М. : Академия МВД СССР, 1978. С. 81 ; *Петуховский А. А.* Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). М. : Академия управления МВД России, 2009. С. 5.

⁸ *Карнеева Л. М.* Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький : ГВШ МВД СССР, 1977. С. 5 ; *Зажицкий В. И.* Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2015. С. 19—20.

⁹ *Копьева А. Н.* Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде. Иркутск : Иркутский госуниверситет, 1990. С. 12 ; *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1995. С. 7—8.

¹⁰ *Трусов А. И.* Указ. соч. С. 10.

¹¹ *Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П.* Указ. соч. С. 5.

бенно суда. Поэтому в большинстве случаев эти обстоятельства не воспринимаются непосредственно, а устанавливаются лишь путем изучения сохранившихся материальных либо идеальных следов, возникающих ввиду способности материи к отражению¹². А. А. Давлетов полагает, что сущность ретроспективного познания в уголовном судопроизводстве можно представить в виде формулы: $C \rightarrow O_2 \leftrightarrow O_1$, где C — это субъект познания, O_1 — преступление или иные явления, произошедшие или существующие вне личного восприятия субъектами познания, а O_2 — непосредственно изучаемые объекты — носители сохранившихся следов преступления (иных явлений)¹³.

Конечно, ретроспективность уголовно-процессорного познания не является исключительной. В следственной и судебной практике достаточно часто встречаются случаи, связанные с установлением юридических фактов, находящихся не в прошлом, а в настоящем, например наличия у обвиняемого непогашенной судимости, нахождения у него на иждивении несовершеннолетних детей и т.п. С. В. Курылев говорил о них как об обстоятельствах, которые, возникнув до процесса, вне процесса, продолжают существовать и во время процесса¹⁴. Кстати, таковыми являются и многие обстоятельства, предопределяющие применение к лицу меры процессуального принуждения: домашнего ареста, заключения под стражу, временного отстранения от должности и др. Но, несмотря на существование данных юридических фактов во время предварительного расследования или судебного разбирательства, их установление, как правило, также осуществляется по следам-отображениям (справкам, характеристикам, копиям приговоров и т.д.), что подтверждает общий тезис об опосредованности уголовно-процессуального познания.

Иными словами, обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, не на-

блюдаются, а лишь воссоздаются в сознании соответствующего участника и (или) материалах уголовного дела путем их мысленной реконструкции, то есть различных аналитических операций и умозаключений. И, таким образом, опосредованное уголовно-процессуальное познание не может существовать без дальнейшего аргументационно-логического этапа, позволяющего интегрировать все накопленные сведения самого разнообразного содержания в четкий и определенный вывод, лежащий в основу приговора или иного правоприменительного решения. В противном случае познавательная деятельность вообще теряла бы всякий смысл.

Правда, справедливости ради нужно обратить внимание, что работа с материальными и идеальными следами-отображениями — это доминирующий, но не единственный механизм установления значимых для уголовного дела юридических фактов. Как отмечалось ранее, уголовно-процессуальное познание имеет не абсолютно, а лишь преимущественно опосредованный характер. Вряд ли стоит признать разумной точку зрения, полностью исключающую возможность непосредственного восприятия дознавателем, следователем или судьей определенных обстоятельств, входящих в предмет доказывания¹⁵. Представляется, что некоторые из них все же подлежат «прямому» исследованию, без помощи следов-отображений, то есть путем использования гносеологического механизма, сущность которого А. А. Давлетов выражает формулой: $C \rightarrow O$ ¹⁶. В. Я. Лившиц выделял по крайней мере четыре группы подобных фактов: а) материальные последствия совершенного преступления (сгоревший дом, телесные повреждения и т.д.); б) предметы преступного посягательства; в) места совершения преступлений; г) отдельные признаки, характеризующие личность обвиняемого либо потерпевшего¹⁷.

¹² Подробнее об этом см.: Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М. : ВШ МВД СССР, 1970. С. 8—15 ; Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 35—73.

¹³ Давлетов А. А. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск : БГУ имени В. И. Ленина, 1969. С. 15.

¹⁵ Например: Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Изд. 2-е. Казань : Изд-во Казанского университета, 1976. С. 16—18 ; Якимович Ю. К. Указ. соч. С. 3—4.

¹⁶ Давлетов А. А. Указ. соч. С. 23.

¹⁷ Лившиц В. Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / отв. ред. М. С. Строгович. М.-Л. : АН СССР, 1949. С. 18—19.

Тем не менее возможность непосредственного познания некоторых обстоятельств никоим образом не исключает необходимость проведения последующих мыслительных операций и умозаключений, то есть аргументационно-логического этапа доказывания. Безусловно, подобные обстоятельства не требуют аналитической реконструкции, поскольку предстают перед правоприменителем в натуральном виде. Однако субъективный характер познания человеком фрагментов объективной реальности все равно не позволяет воспользоваться полученными сведениями без их надлежащего осмысления и обдумывания.

Ведь результаты многолетних исследований, проводимых на стыке философии с психологией, психофизиологией и нейропсихологией, позволили опровергнуть (по крайней мере поставить под большое сомнение) существовавшие ранее¹⁸ представления о чувственном и рациональном познании как о сугубо объективном отражении внешнего мира, приводящем к формированию мысленного образа, являющегося «копией», «фотоснимком» воспринимаемых объектов. Еще в начале XX в. немецкий философ Э. Кассирер, солидаризируясь с точкой зрения своего соотечественника физиолога Г. Гельмгольца, писал, что разумный человек никогда не может быть уверен в тождестве предмета и его мысленного образа¹⁹. Позднее указанные идеи нашли отражение в работах К. Поппера, У. Найссера, П. Рикёра, А. П. Шептулина, Э. М. Чудинова и других известных ученых²⁰.

Продукты непосредственной познавательной деятельности — это не зеркальные отражения фрагментов объективной реальности, а всего лишь их относительно адекватные мысленные образы, требующие последующего логического анализа и опровержения версий, предполагающих иное понимание воспринятой

информации и т.д.²¹ Другое дело, что благодаря развитым аналитическим навыкам и многолетней познавательной практике человек осуществляет указанные мыслительные операции как бы неосознанно, молниеносно, не отдавая себе в этом отчета. Но тем не менее данные механизмы работают и дают полное право утверждать об осуществлении аргументационно-логического этапа доказывания при установлении любых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Таким образом, наиболее разумным и справедливым нам представляется подход к сущности уголовно-процессуального доказывания, предполагающий включение в его содержание как познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов, так и различных аргументационно-логических операций (М. С. Строгович, В. Д. Арсеньев, А. Р. Ратинов, С. А. Шейфер, Ю. К. Орлов, В. С. Балакшин и многие другие авторы). На наш взгляд, ввиду всего вышеизложенного подобное широкое, как бы универсальное, понимание сущности доказывания максимально отражает его преемственность по отношению к общим законам гносеологии и формальной логики, то есть позволяет в наибольшей степени примирить уголовно-процессуальную теорию с реальными жизненными потребностями правоприменительной практики. А при правильном использовании в тексте закона этот подход позволит минимизировать те неизбежные противоречия, которые детерминированы невозможностью гармонизации объективно существующих закономерностей познавательной и мыслительной деятельности человека с уголовно-процессуальной формой.

Вместе с тем указанный подход тоже не предполагает какого-то единообразного понимания сущности уголовно-процессуального доказывания. Интеграция высказанных различными уче-

¹⁸ Например: Дialeктический материализм / под общ. ред. Г. Ф. Александрова. М. : Политиздат, 1954. С. 389 ; Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М. : Мысль, 1974. С. 106 ; Дейнеко Н. И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). Киев — Одесса : Вища Школа, 1978. С. 12.

¹⁹ Кассирер Э. Познание и действительность. СПб. : Шиповник, 1912. С. 394.

²⁰ Например: Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути ; отв. ред. В. Н. Садовский. М. : Эдиториал УРСС, 2002. С. 68—70 ; Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ. В. В. Лучкова. М. : Прогресс, 1981. С. 47 ; Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М. : Академический проект, 2008. С. 177 ; Шептулин А. П. Дialeктический метод познания. М. : Политиздат, 1983. С. 101 ; Чудинов Э. М. Природа научной истины. М. : Либроком, 2010. С. 18.

²¹ Подробнее об этом см.: Россинский С. Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 354—357.

ными точек зрения в некую общую доктринальную позицию носит весьма условный характер. В целом представляя доказывание как некий универсальный, многоаспектный и многосубъектный процесс, каждый автор или группа авторов вкладывает в содержание познавательной деятельности и аргументационно-логических операций далеко не одинаковый, а иногда и совершенно разный смысл, связывает их с различными формами деятельности участников уголовного судопроизводства, с различными средствами и способами установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. А это, в свою очередь, порождает еще целый ряд дискуссий, касающихся преимущественно познавательного аспекта доказывания²².

Больше всего ученые расходятся во мнениях относительно осуществления так называемого познания без доказывания — установления отдельных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, без необходимости их доказывания, то есть познания, не предполагающего доказывания, не связанного с доказыванием. Например, Ф. Н. Фаткуллин опровергал подобную возможность. Он писал, что органы предварительного расследования, прокуратуры и суда вправе получать необходимые знания об явлениях внешнего мира, имеющих значение для правильного разрешения дела, и обосновать свои выводы не иначе, как путем процессуального доказывания²³. Аналогичную точку зрения можно встретить в работах С. А. Шейфера и А. Б. Соловьева²⁴.

Другие авторы, наоборот, заявляли и продолжают заявлять о возможности познания от-

дельных связанных с уголовным делом обстоятельств без необходимости их доказывания. В литературе достаточно часто обсуждается познавательная ценность различных вспомогательных, например ориентирующих, сведений, позволяющих наметить план, определить тактику предварительного расследования или поведения в судебном заседании, принять решение о производстве определенных следственных, судебных, иных процессуальных действий и правильно подготовить их проведение, дать поручение об осуществлении тех или иных оперативно-розыскных мероприятий и т.д. Это обстоятельство традиционно являлось весомым аргументом, дающим право целому ряду известных ученых заявлять о несоответствии познания и доказывания по объему полезной информации и вкладывать в категорию «уголовно-процессуальное познание» более широкий смысл. Л. Д. Кокорев писал, что познание не исчерпывается только доказыванием, что уголовному процессу известны и иные формы познавательной деятельности, имеющие вспомогательную роль, но тем не менее оказывающие большое содействие в установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела²⁵. Аналогичной позиции придерживались А. Р. Ратинов, И. М. Лузгин²⁶, а в настоящее время ее высказывают Л. М. Володина, Р. В. Костенко²⁷ и некоторые другие авторы.

Согласиться с подобной точкой зрения весьма сложно. Ученые, ратующие за расширение сферы познания по уголовному делу за счет ориентирующей или иной вспомогательной информации, фактически смешивают две вза-

²² Думается, что более пристальное внимание ученых к познавательному аспекту доказывания является следствием многолетнего господства в теории уголовного процесса так называемой информационной (кибернетической) концепции доказательств, которая понимает под доказательствами полезные сведения (информацию). Эта же концепция заложена и в основу действующего УПК РФ. Однако при всей разумности и справедливости данной концепции применительно к познавательному аспекту доказывания она имеет один существенный недостаток — фактически оставляет без должного внимания аргументационно-логическую сторону доказывания. Подробнее см.: Орлов Ю. К. Указ. соч. С. 62.

²³ Фаткуллин Ф. Н. Указ. соч. С. 16.

²⁴ Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2010. С. 24 ; Соловьев А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса. М. : Юрлитинформ, 2002. С. 7.

²⁵ Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1978. С. 206.

²⁶ Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 290 ; Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. М. : Юрид. лит., 1973. С. 20.

²⁷ Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М. : Юрист, 2006. С. 219 ; Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар: КубГАУ, 2006. С. 35.

имосвязанные, но тем не менее юридически обособленные формы собирания полезных сведений: процессуальную и непроцессуальную. Представляется, что уголовно-процессуальное познание в принципе не может осуществляться вне установленного УПК РФ правового режима, вне соответствующих правоотношений (именно поэтому его и называют уголовно-процессуальным). Напомним, что процессуальными следует именовать не все действия или решения, проводимые для нужд процесса, а лишь те, для которых законодателем предусмотрена определенная процессуальная форма (процедура), обусловленная рядом правовых гарантий доброкачественности.

Безусловно, ориентирующие и прочие вспомогательные сведения нередко оказывают неоценимую помощь в продуктивном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. По крайней мере, различные аспекты работы с такой информацией составляют львиную долю предмета современной криминалистики и весь предмет теории оперативно-розыскной деятельности, не говоря уже об иных отраслях научного знания. Более того, сегодня в правоприменительной практике наблюдается объективная потребность в использовании результатов непроцессуальных мероприятий в качестве полноценных средств уголовно-процессуального доказывания, о чем мы уже неоднократно заявляли в других публикациях²⁸.

Но это никоим образом не придает указанным мероприятиям процессуальный характер, поскольку порядок их производства все равно остается за пределами сферы уголовно-процессуального регулирования: либо регламентируется иными нормативными правовыми актами, либо вообще не предполагает какой-либо четкой юридической формы. Причем никакая последующая процессуализация результатов подобных мероприятий, то есть их введение в уголовное дело, не позволит применить задним числом к уже осуществленным познавательным приемам установленные УПК РФ гарантии доброкачественности, «натянуть» на уже полученные сведения процессуальную форму. В этих случаях, писал С. А. Шейфер, речь идет о познании вообще, об обыденном познании, хотя

и осуществляемом в связи с производством по уголовному делу. Такое познание лежит за пределами уголовного процесса и не является уголовно-процессуальным²⁹.

Данная позиция представляется совершенно справедливой и требует безусловной поддержки, за исключением одного нюанса. Вряд ли подобное непроцессуальное познание, осуществляемое для нужд уголовного судопроизводства, можно считать обыденным, тем самым отождествляя его со всякой другой деятельностью человека, направленной на получение каких-либо полезных (а иногда — и бесполезных) сведений. Конечно, в своей повседневной работе любой оперативный сотрудник, дознаватель, следователь, прокурор, адвокат, судья постоянно сталкиваются с необходимостью обыденного познания, в том числе связанного с их профессиональной деятельностью. Например, приходя утром в кабинет, каждый из них заглядывает в еженедельник, дабы освежить в памяти запланированные на день мероприятия; каждый из них периодически проверяет, не кончилась ли у него писчая бумага, не надо ли заменить картридж в принтере или обновить на компьютере справочно-правовую систему и т.п. Именно подобные, сугубо бытовые формы получения информации, на наш взгляд, и являются обыденным познанием, не требующим какой-то особой профессиональной подготовки и (или) нормативного регулирования. В то время как для собирания ориентирующих или других вспомогательных сведений, напротив, необходимы специальные практические навыки, имеющие надлежащую научную основу, составляющую предмет криминалистики, теории оперативно-розыскной деятельности и других родственных областей научного знания. Кроме того, как уже отмечалось, многие из таких непроцессуальных познавательных приемов имеют четкую нормативно-правовую регламентацию и осуществляются посредством собственной юридической процедуры. Поэтому в данном случае уместнее говорить не об обыденном познании, а просто о непроцессуальных приемах собирания полезных сведений для нужд уголовного судопроизводства.

²⁸ *Россинский С. Б.* Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // *Lex russica*. 2018. № 10 (143). С. 79 ; *Россинский Б. В., Россинский С. Б.* Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2018. Т. 9. Вып. 3. С. 322.

²⁹ *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам... С. 24.

Гораздо более серьезной представляется дискуссия о «познании без доказывания» внутри самого уголовного процесса, то есть осуществляемом посредством уголовно-процессуальной формы в порядке, установленном УПК РФ. Некоторые авторы полагают, что доказыванию подлежат лишь обстоятельства, которые учитываются в судебных приговорах или иных важнейших правоприменительных решениях (постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении и т.д.). Иными словами, они фактически увязывают сущность доказывания с предусмотренным уголовно-процессуальным законом предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ). Наиболее обстоятельно данную позицию обосновывает Р. В. Костенко. Ученый пишет, что в отличие от доказывания предметом познавательной деятельности участников уголовного судопроизводства могут быть любые обстоятельства или факты, относящиеся к делу и имеющие для него определенное значение. Одновременно Р. В. Костенко формирует достаточно исчерпывающий перечень таких обстоятельств, учитываемых преимущественно при разрешении вопросов процессуального права (основания для отводов и самоотводов, основания для избрания, продления или отмены мер принуждения, основания для соединения или выделения уголовного дела и т.д. — всего 30 видов различных обстоятельств)³⁰. Близкую точку зрения высказывает Е. А. Карякин, который обращает внимание на возможность осуществления познания по уголовному делу на основании недопустимых доказательств. Гносеологическая ценность таких сведений для восстановления картины произошедшего, полагает автор, может быть налицо, однако для разрешения уголовного дела они не имеют никакого значения, поскольку лишены юридической силы³¹.

Поддержать подобную позицию тоже достаточно сложно ввиду невозможности разграничения доказывания и процессуального «познания без доказывания» как в теории, так и в правоприменительной практике. Современное

уголовное судопроизводство действительно предполагает определенную дифференциацию правил принятия различных процессуальных решений. Наряду с «основными», то есть наиболее важными, судебными и следственными актами (приговором, постановлением о привлечении в качестве обвиняемого и т.п.), УПК РФ предусматривает множество «текущих» распорядительных постановлений (определений), порядок вынесения которых не характеризуется столь жесткой формализацией³². Однако используемые при этом процессуально-познавательные технологии сами по себе мало чем отличаются от механизмов установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, то есть имеющих значение для «основных» решений. Законодатель не предусматривает никаких особых способов получения соответствующей информации, а необходимые сведения собираются посредством всё тех же следственных, судебных или иных процессуальных действий. Вытекающий из смысла закона упрощенный порядок принятия «текущих» решений, скорее, выражается в более свободной форме их обоснования, предполагающей возможность использования не только допустимых доказательств (как это установлено применительно к «основным» решениям), но и многих других информационных ресурсов. Последние, в свою очередь, формируются за юридическими рамками уголовного судопроизводства, путем осуществления рассмотренных выше непроцессуальных приемов собирания полезных сведений, поэтому не могут рассматриваться как результаты процессуально-познавательной деятельности. И, таким образом, на наш взгляд, какая-либо возможность существования «познания без доказывания» внутри уголовного процесса исключается, а особенности принятия «текущих» следственных или судебных актов выражаются не столько в специфике установления соответствующих обстоятельств, сколько в упрощенных требованиях, предъявляемых к их обоснованию.

Тем более что некоторые современные тенденции развития российского уголовного су-

³⁰ Костенко Р. В. Указ. соч. С. 24—29.

³¹ Карякин Е. А. Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 62.

³² П. А. Лупинская называла такие решения «основными» и «вспомогательными», подчеркивая, что первые связаны с предметом разрешения уголовно-правового спора, а вторые лишь способствуют законному и обоснованному разрешению уголовного дела и носят промежуточный либо вспомогательный характер (Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд. М. : Норма, 2010. С. 45—46).

допроизводства вообще связаны с частичным размытием границ между правилами издания «основных» и «текущих» процессуальных актов. С одной стороны, уже допускается возможность обоснования некоторых «основных» решений не доказательствами, а посредством иных информационных ресурсов, например сформированных в порядке сокращенного дознания (ст. 226.5 УПК РФ). С другой стороны, законодатель усиливает требования, предъявляемые к процедуре вынесения отдельных «текущих» решений, что выражается в фактическом запрете на использование для их аргументации результатов непроцессуальной деятельности, например при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Изучение многочисленных публикаций, посвященных проблемам познания и доказывания в уголовном судопроизводстве, позволяет выявить еще целый ряд других дискуссий по самым разным вопросам, связанным с данной проблематикой. Ведь каждый автор, проявляющий интерес к рассматриваемому сегменту уголовно-процессуальной науки, хочет в чем-то поспорить со своими предшественниками, высказать собственное мнение, внести посильный вклад в развитие правовой доктрины, законодательства и (или) правоприменительной практики. Исчерпывающий анализ всех дискуссий — задача практически непосильная, да и, наверное, не такая необходимая, по крайней мере в рамках настоящей статьи.

Однако стоит обратить внимание на одно очень важное обстоятельство. Многие из существующих, в том числе проанализированных выше, научных споров и разногласий о сущности и содержании уголовно-процессуального доказывания в определенной степени имеют искусственный характер и обусловлены не более чем отсутствием единообразия в употребляемой терминологии. Нередко, говоря, по сути, об одних и тех же вещах, рассматривая одни и те же познавательные, удостоверительные или формально-логические операции, ученые используют для их обозначения различные названия, придают терминам «познание» и «доказывание» совершенно разную смысловую нагрузку. Например, А. А. Давлетов исходит из наиболее широкого толкования уголовно-процессуального познания, понимая под ним всю осуществляемую в предусмотренном законом порядке деятельность уполномоченных субъектов по приобретению знаний, необходимых

для решения задач уголовного судопроизводства. А под доказыванием он, напротив, понимает лишь часть этой деятельности, связанную с обоснованием определенного решения при помощи аргументов и доводов. И в этой связи автор делает закономерный вывод о том, что доказывание является не более чем одним из элементов познания. М. С. Строгович, А. Р. Ратинов, С. А. Шейфер, Ю. К. Орлов и многие другие ученые, наоборот, исходили и продолжают исходить из более широкого толкования уголовно-процессуального доказывания, понимая под ним примерно то, что А. А. Давлетов называет познанием, — всю деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, иных участников уголовного судопроизводства, направленную на работу с доказательствами в целях обоснования приговоров или иных правоприменительных решений. Поэтому нет ничего странного в том, что в работах названных авторов термин «познание» употребляется в более узком смысле и используется лишь для обозначения одной из частей доказывания.

Понятно, что указанная терминологическая неопределенность во многом является следствием зависимости данного сегмента уголовно-процессуальной доктрины от «старшего брата», то есть от философского понимания познания и обоснования тезисов, которое, как уже отмечалось выше, не отличается единообразием и предполагает самые разные точки зрения. Кстати, как известно, в формальной или математической логике процесс обоснования какого-либо утверждения вообще называют не доказыванием, а доказательством.

Однако не последнюю роль в этом вопросе играет и другая причина — совершенно бесцеремонное отношение самого законодателя к сущности доказывания по уголовному делу, выраженное в противоречивости и несогласованности соответствующих норм УПК РФ. Например, положения одноименной гл. 11 УПК РФ предполагают широкое толкование доказывания, включая в его содержание деятельность органов предварительного расследования, прокурора, суда, а также участие подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и других заинтересованных лиц. В свою очередь, ч. 2 ст. 14 УПК РФ, возлагая бремя доказывания на сторону обвинения, напротив, скорее имеет в виду узкое значение доказывания, сводящее его к обоснованию определенных обвинительных тезисов. Представляется, что аналогичный

смысл заложен и в ч. 4 ст. 235 УПК РФ, возлагающей бремя доказывания на сторону, заявившую ходатайство об исключении недопустимого доказательства. Справедливости ради следует обратить внимание, что в абсолютном большинстве случаев используемый законодателем термин «доказывание» (УПК РФ в действующей редакции, включая наименования глав и статей, употребляет его 27 раз) вообще не предполагает четкой смысловой нагрузки и вполне может толковаться как в широком, так и в узком понимании.

Поэтому первое, с чего необходимо начать, как совершенно справедливо пишет В. С. Балакшин, намечая пути для дальнейшего развития данной научной проблематики, — это разобраться в терминологическом многообразии, которое характерно для доказывания, и договориться о приемлемом и оптимальном однообразии используемых терминов как в доктрине, так и в уголовно-процессуальном законодательстве³³. Представляется, что сугубо теоретически автор абсолютно прав. Подобные договоренности вполне могли бы если не полностью, то хотя бы частично разрешить существующие противоречия. Однако в нынешних условиях, характеризующихся большим количеством научных школ уголовно-процессуальной направленности, различными взглядами на саму природу российского уголовного судопроизводства, на его цели, задачи, принципы, иные базовые категории, достижение какого-либо консенсуса в этой части практически невозможно. Тем более что в современных реалиях российской государственности законодатель, к великому сожалению, вообще достаточно редко прислушивается к мнению ученых, в особенности узкопрофильных специалистов в отдельных вопросах уголовно-процессуального права.

Каждый ученый, занимающийся проблемами познания и доказывания в уголовном судопроизводстве, все равно будет исходить из того или иного понимания данных категорий, и, следовательно, дальнейшая полемика в этом сегменте уголовно-процессуальной доктрины

просто неизбежна. Поэтому любому исследователю, желающему продолжать заниматься теми или иными аспектами уголовно-процессуального доказывания, необходимо учитывать указанное обстоятельство и воспринимать его как объективно существующую теоретическую данность.

Правда, ввиду всего вышеизложенного эта проблема вряд ли сможет существенно повлиять на изменения в законодательстве и (или) на формирование каких-то принципиально новых подходов в правоприменительной практике. В конце концов, не так уж и важно, как называть те или иные элементы всего сложного механизма установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела: доказыванием, познанием, обоснованием тезисов или как-то еще.

Важнее другое, а именно то, что данный механизм, независимо ни от каких политических, социальных или правовых веяний, независимо ни от каких установленных законом формальных правил осуществления уголовно-процессуальной деятельности, по сути, сводится к следующим базовым элементам: а) некоему накоплению (установлению) определенным субъектом полезных сведений, имеющих значение для уголовного дела, и б) использованию этих сведений для обоснования правоприменительных решений. Поэтому под уголовно-процессуальным доказыванием мы понимаем весь сложный комплекс познавательных, удостоверяемых органами предварительного расследования, прокурором, судом, а также подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и другими участниками уголовного судопроизводства, который методологически основан на законах гносеологии и формальной логики, определен нормами уголовно-процессуального законодательства и направлен на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, необходимых для принятия соответствующих правоприменительных решений.

³³ Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург, 2004. С. 45.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Астафьев Ю. В., Изотова Н. В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. — Курск : ФГУИПП, 2002. — 256 с.
2. Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. — М. : ВШ МВД СССР, 1970. — 130 с.
3. Божьев В. П. Основные вопросы советского уголовного процесса : учеб. пособие. — М. : Академия МВД СССР, 1978. — 97 с.
4. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. — М. : Юрист, 2006. — 352 с.
5. Восприятие и действие / под ред. А. В. Запорожца. — М. : Просвещение, 1967. — 323 с.
6. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькин П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. — Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1978. — 303 с.
7. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. — 2-е изд. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 1997. — 191 с.
8. Дейнеко Н. И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). — Киев — Одесса : Вища Школа, 1978. — 167 с.
9. Диалектический материализм / под общ. ред. Г. Ф. Александрова. — М. : Политиздат, 1954. — 440 с.
10. Зажицкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2015. — 439 с.
11. Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе. — Саратов : Саратовский госуниверситет, 1960. — 106 с.
12. Карнеева Л. М. Доказательства и доказывание при производстве расследования. — Горький : ГВШ МВД СССР, 1977. — 44 с.
13. Карякин Е. А. Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. — М. : Юрлитинформ, 2009. — 296 с.
14. Кассирер Э. Познание и действительность. — СПб. : Шиповник, 1912. — 453 с.
15. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. — Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1995. — 272 с.
16. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. — М. : Мысль, 1974. — 568 с.
17. Копьева А. Н. Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде. — Иркутск : Иркутский госуниверситет, 1990. — 191 с.
18. Костенко Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. — Краснодар : КубГАУ, 2006. — 393 с.
19. Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. — Минск : БГУ имени В. И. Ленина, 1969. — 204 с.
20. Лившиц В. Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / отв. ред. М. С. Строгович. — М.-Л. : АН СССР, 1949. — 208 с.
21. Лузгин И. М. Методологические проблемы расследования. — М. : Юрид. лит., 1973. — 216 с.
22. Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе : учеб. пособие. — М. : ВЮЗИ, 1966. — 102 с.
23. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. — 2-е изд. — М. : Норма, 2010. — 240 с.
24. Маклаков А. Г. Общая психология. — СПб. : Питер, 2001. — 592 с.
25. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ. В. В. Лучкова. — М. : Прогресс, 1981. — 230 с.
26. Петуховский А. А. Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). — М. : Академия управления МВД России, 2009. — 113 с.
27. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути ; отв. ред. В. Н. Садовский. — М. : Эдиториал УРСС, 2002. — 381 с.
28. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. — М. : Госюриздат, 1961. — 277 с.
29. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И. С. Вдовиной. — М. : Академический проект, 2008. — 695 с.
30. Россинский Б. В., Россинский С. Б. Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2018. — Т. 9. — Вып. 3. — С. 310—329.
31. Россинский С. Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. — 2013. — № 3. — С. 354—365.

32. Россинский С. Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex russica. — 2018. — № 10 (143). — С. 70—84.
33. Соловьев А. Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса. — М. : Юрлитинформ, 2002. — 155 с.
34. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
35. Трусков А. И. Основы теории судебных доказательств. — М. : Госюриздат, 1960. — 176 с.
36. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. — Изд. 2-е. — Казань : Изд-во Казанского университета, — 1976. — 206 с.
37. Чудинов Э. М. Природа научной истины. — М. : Либроком, 2010. — 314 с.
38. Шейфер С. А. Собираение доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. — М. : Норма, 2015. — 110 с.
39. Шептулин А. П. Диалектический метод познания. — М. : Политиздат, 1983. — 320 с.
40. Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. — Томск : Томский гос-университет, 2015. — 80 с.

Материал поступил в редакцию 12 апреля 2020 г.

REFERENCES

1. Astafyev YuV, Izotova NV. Dokazyvanie i operativno-rozysknaya deyatel'nost: problemy sootnosheniya i vzaimodeystviya [Proving and operational search activity: problems of correlation and interaction]. Kursk: FGUIPP Publ.; 2002. (In Russ.)
2. Belkin RS Lleninskaya teoriya otrazheniya i metodologicheskie problemy sovetskoy kriminalistiki [Lenin theory of reflection and methodological problems of Soviet forensics]. Moscow: Higher School of Ministry of Internal Affairs of the USSR Press; 1970. (In Russ.)
3. Bozhev VP. Osnovnye voprosy sovetskogo ugovnogo protsesssa : ucheb. posobie [Main issues of the Soviet criminal process: study. manual]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Press; 1978. (In Russ.)
4. Volodina LM. Problemy ugovnogo protsesssa: zakon, teoriya, praktika [Problems of criminal process: law, theory, practice]. Moscow: Yurist Publ.; 2006. (In Russ.)
5. Zaporozhets AV, editor. Vospriyatie i deystvie [Perception and action]. Moscow: Prosveshchenie Publ.; 1967. (In Russ.)
6. Gorskiy GF, Kokorev LD, Elkind PS. Problemy dokazatelstv v sovetskom ugovnom protsesse [Problems of Evidence in the Soviet Criminal Procedure]. Voronezh: Voronezh State University Publ.; 1978. (In Russ.)
7. Davletov AA. Osnovy ugovno-protsessual'nogo poznaniya [Fundamentals of Criminal Procedure Cognition]. 2nd ed. Yekaterinburg: Humanities University Publ.; 1997. (In Russ.)
8. Deineko NI. Obektivnoe i subektivnoe v protsesse otrazheniya (filosofskiy aspekt) [The Objective and Subjective in the process of reflection (philosophical aspect)]. Kiev — Odessa: Vyshcha Shkola Publ.; 1978. (In Russ.)
9. Aleksandrov GF, editor. Dialekticheskiy materializm [Dialectical materialism]. Moscow: Politizdat Publ.; 1954. (In Russ.)
10. Zazhitskiy VI. Dokazatelstva i dokazyvanie po UPK RF [Evidence and proof under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. St. Petersburg: Legal Center-Press Publ.; 2015. (In Russ.)
11. Kaz TsM. Dokazatelstva v sovetskom ugovnom protsesse [Evidence in the Soviet criminal proceedings]. Saratov: Saratov State University Publ.; 1960. (In Russ.)
12. Karneeva LM. Dokazatelstva i dokazyvanie pri proizvodstve rassledovaniya [Evidence and proof during the investigation]. Gorkiy: GVSh of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ.; 1977. (In Russ.)
13. Karyakin EA. Teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya istiny po ugovnomu delu v sude pervoy instantsii [Theoretical and practical problems of formation of truth in criminal case in court of first instance]. Moscow: Yurilitinform Publ.; 2009. (In Russ.)
14. Kassirer E. Poznanie i deystvitel'nost [Cognition and validity]. St. Petersburg: Shipovnik Publ.; 1912. (In Russ.)
15. Kokorev LD, Kuznetsov NP. Ugolovnyy protsess: dokazatelstva i dokazyvanie [Criminal Procedure: Evidence and Proving]. Voronezh: Voronezh State University publ.; 1995. (In Russ.)
16. Kopnin PV. Gnoseologicheskie i logicheskie osnovy nauki [Gnoseological and logical foundations of science]. Moscow: Mysl Publ.; 1974. (In Russ.)

17. Kopyeva AN. Dokazyvanie po ugovnym delam v vyshestoyashchem sude [Proof in criminal cases in a higher court]. Irkutsk: Irkutsk State University publ.; 1990. (In Russ.)
18. Kostenko RV. Dokazatelstva v ugovnom protsesse: kontseptualnye podkhody i perspektivy pravovogo regulirovaniya : dis. ... d-ra yurid. nauk [Evidence in criminal proceedings: conceptual approaches and prospects of legal regulation: Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Krasnodar: KubGAU Publ.; 2006. (In Russ.)
19. Kurylev SV. Osnovy teorii dokazyvaniya v sovetskom pravosudii [Fundamentals of the theory of proof in Soviet justice]. Minsk: Lenin BSU Publ.; 1969. (In Russ.)
20. Livshits V. Ya. Printsip neposredstvennosti v sovetskom ugovnom protsesse [The principle of immediacy in the Soviet criminal process]. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ.; 1949. (In Russ.)
21. Luzgin IM. metodologicheskie problemy rassledovaniya [Methodological problems of investigation]. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1973. (In Russ.)
22. Lupinskaya PA. Dokazyvanie v sovetskom ugovnom protsesse : ucheb. posobie [Proving in the Soviet criminal process: study. manual]. Moscow: VYuZl publ.; 1966. (In Russ.)
22. Lupinskaya PA. resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatelstvo, praktika [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice]. 2nd ed. Moscow: Norma Publ.; 2010. (In Russ.)
24. Maklakov AG. Obshchaya psikhologiya [General Psychology]. St. Petersburg; Peter Publ.; 2001. (In Russ.)
25. Naisser U. Poznanie i realnost. Smysl i printsipy kognitivnoy psikhologii [Cognition and reality. Meaning and Principles of Cognitive Psychology]. Moscow: Progress Publ.; 1981. (In Russ.)
26. Petukhovskiy AA. Problemy dokazyvaniya v ugovnom protsesse (sovershenstvovanie zakonodatelstva i pravoprimeritelnoy praktiki) [Problems of proof in criminal proceedings (improvement of legislation and law enforcement practice)]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 2009. (In Russ.)
27. Popper KP. Obektivnoe znanie. Evolyutsionnyy podkhod [Objective knowledge. Evolutionary Approach]. Moscow: Editorial URSS Publ.; 2002. (In Russ.)
28. Rakhunov RD. Uchastniki ugovno-protsessualnoy deyatel'nosti [Participants of criminal procedure]. Moscow: Gosurizdat Publ.; 1961. (In Russ.)
29. Riker P. Konflikt interpretatsiy. ocherki o germeneytike [Conflict interpretations. Essays on hermeneutics]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2008. (In Russ.)
30. Rossinskiy BV, Rossinskiy S. B. Rezultaty administrativnoy deyatel'nosti kak dokazatelstva po ugovnomu delu [Results of administrative activity as evidence in criminal case]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law.* 2018;9(3):310—329. (In Russ.)
31. Rossinskiy SB. K voprosu o razvitii teorii dokazatelstv v ugovnom protsesse [On the question of the development of the theory of evidence in criminal proceedings]. *Russian Criminological Outlook.* 2013;3:354—365. (In Russ.)
32. Rossinskiy SB. Problema ispolzovaniya v ugovnom protsesse rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti trebuyet okonchatelnogo razresheniya [The Problem of Using the Results of Criminal Intelligence and Surveillance Operations Should be Finally Resolved]. *Lex russica.* 2018;10(143): 70—84. (In Russ.)
33. Solovyov AB. Dokazyvanie v dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsessa [Proving in pre-trial stages of criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2002. (In Russ.)
34. Zhogin NV, editor. Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugovnom protsesse [Theory of Evidence in the Soviet Criminal Proceedings]. Moscow: Yurid. lit. Publ., 1973. (In Russ.)
35. Trusov AI. Osnovy teorii sudebnykh dokazatelstv [Fundamentals of the theory of judicial evidence]. Moscow: Gosurizdat Publ.; 1960. (In Russ.)
36. Fatkullin FN. Obshchie problemy protsessualnogo dokazyvaniya [General problems of procedural proof]. 2nd ed. Kazan: Kazan University Publ.; 1976. (In Russ.)
37. Chudinov EM. Priroda nauchnoy istiny [Nature of scientific truth]. Moscow: Librokom Publ.; 2010. (In Russ.)
38. Sheyfer SA. Sobiranie dokazatelstv po ugovnomu delu: problemy zakonodatelstva, teorii i praktiki [Collecting evidence on a criminal case: problems of legislation, theory and practice]. Moscow: Norma Publ.; 2015. (In Russ.)
39. Sheptulin AP. Dialekticheskiy metod poznaniya [Dialectical Method of Cognition]. Moscow: Politizdat Publ.; 1983. (In Russ.)
40. Yakimovich YuK. Dokazatelstva i dokazyvanie v ugovnom protsesse rossii [Evidence and proof in criminal proceedings of Russia]. Tomsk: Tomsk State University; 2015. (In Russ.)